

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Iss. 1, pp. 154–170, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 394.7+398.332

UDC 394.7+398.332

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

Луна в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов

*Марина Михайловна Содномпилова¹,
 Баир Зориктоевич Нанзатов²*

Moon in Traditional World View of Turkic and Mongolic Peoples

*Marina M. Sodnompilova¹,
 Bair Z. Nanzatov²*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З., 2025

© Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z., 2025

Аннотация. *Введение.* Среди астральных объектов в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов именно с ночным светилом связывалось большое разнообразие значений, символов, функций. *Целью* данной статьи является решение двух задач, одна из которых заключается в изучении распространения основных названий луны в тюркских и монгольских языках, выявлении наиболее полной совокупности их версий в разных диалектах, уточнении и дополнении этимологии названий. Другая задача состоит в детализации мифологических образов

Abstract. *Introduction.* Among the astral objects in the traditional worldview of the Turkic and Mongolic peoples, it is the night luminary that was associated with a wide variety of meanings, symbols, and functions. *The purpose* of this article is to solve two problems, one of which is to research the distribution of the main names of the moon in the Turkic and Mongolic languages, identify the most complete set of their versions in different dialects, clarify and supplement the etymology of the names. The other task is to detail the mythological images of the moon

луны, известных на территории расселения тюрко-монгольских народов. *Материалы и методы.* Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. *Результаты.* Часть воззрений, отраженных в лексике, показывает, что главной и самой ранней характеристикой небесного светила в тюрко-монгольских языках является свет, блеск. Фазы луны фиксируют в большинстве языков тюрко-монгольской группы изменения диска в категории «новый – старый». Нередко начало периода появления новой луны, когда светила еще не видно на небе, обозначается как «промежуток», «пустота». Полная луна в терминологии связывается с понятиями «полный», «наполнять». Представлены наиболее актуальные этимологические гипотезы, отражающие происхождение тюркского и монгольского названий луны, прослежен ряд мифологических образов ночного светила, выявленных в процессе исследования. *Выводы.* Широкую известность получили антропоморфные образы. Выявлены три варианта связи небесных светил: солнце и луна — супружеская пара, в которой по одной версии супруг — солнце, по другой — месяц; солнце и луна — сестры; солнце и луна — братья. Среди мифологических образов луны также слабо просматриваются следы животного из семейства псовых (лиса, собака, волк).

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, луна, названия, этимология, мифологические образы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Луна в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 154–170. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

known in the territory of settlement of the Turkic and Mongolic peoples. *Materials and methods.* The work is based on a comprehensive, systemic-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods. The main sources of the study were materials on the mythology and folklore of the Turkic and Mongolic peoples, reflecting the ideas of nomads about the satellite of our planet. *Results.* Some of the views reflected in the vocabulary show that the main and earliest characteristic of a celestial body in the Turkic and Mongolic languages is light, shine. The phases of the moon are recorded in most languages of the Turkic and Mongolic group as changes in the disk in the category “new-old”. Often the beginning of the period of the appearance of a new moon, when the luminary is not yet visible in the sky, is designated as an “interval”, “emptiness”. The full moon in terminology is associated with the concepts of “full”, “to fill”. The most relevant etymological hypotheses reflecting the origin of the Turkic and Mongolian names of the moon are presented, a number of mythological images of the night luminary, revealed in the course of the study, are proposed. *Conclusions.* Anthropomorphic images have become widely known. Three versions of the connection between celestial bodies have been revealed: the sun and the moon are a married couple, in which, according to one version, the spouse is the sun, according to another, the moon; the sun and the moon are sisters; the sun and the moon are brothers. Also among the mythological images of the moon, traces of an animal from the canine family (fox, dog, wolf) are faintly visible.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples, moon, names, etymology, mythological images

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”

For citation: Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Moon in Traditional World View of Turkic and Mongolic Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 154–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-154-170

1. Введение

Среди астральных объектов в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов именно с ночным светилом связывалось большое разнообразие значений, символов, функций. Лунные циклы сделали ночное светило главным ориентиром во времени. Изменения облика луны на небосклоне оказывали влияние на хозяйственную деятельность, религиозную сферу. Любое важное дело начинали на растущую луну. Луна была также важнейшим индикатором изменения погоды, как сама по себе, так и в сочетании с другими небесными светилами — Плеядами, Венерой и другими созвездиями. Изучению небесных светил посвящено множество работ, в которых уделялось внимание и лексике, и мифологическим образам, и роли светил в жизни людей, однако в большинстве случаев эти сведения являются частью общих исследований, посвященных астральной тематике. Преимущественно ученые уделяли внимание роли светила в магической и ритуальной практике народов. В числе немногочисленных отечественных специальных работ, посвященных луне в культуре тюрко-монгольских народов, — статья В. А. Бурнакова и Д. Ц. Цыденовой [Бурнаков, Цыденова 2013].

Данная же публикация посвящена изучению лексики и мифопоэтического образа ночного светила в языке и мировоззрении тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, обозначению и народному толкованию лунных фаз. Актуальность и новизна исследования заключаются в уточнении и расширении исследований традиционных астрономических знаний тюрко-монгольских народов.

2. Материалы и методы

Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты.

3. Названия луны

Термины, обозначающие ночное светило, в силу своей устойчивости позволяют выявить наиболее архаичные образы луны, связанные со значением светила как маркера времени, с визуальными признаками луны — ее белизной и сходством с пламенем [СИГТЯ 2006: 339], свойством луны излучать свет.

Тюркский термин *aj* в значении ‘луна, месяц’, известный со времен орхонских рунических памятников в форме *aj*, в караханидском *aj*, в Codex Cumanicus *aj* / *añ*, широко распространен в разных тюркских языках: тур. *aj*, гаг. *aj*, туркм. *aj*, хал. *aj*, узб. *aj*, уйг. *aj*, крым.-тат. *aj*, тат. *aj*, башк. *aj*, кирг. *aj*, каз. *aj*, кбалк. *aj*, ккалп. *aj*, кум. *aj*, ног. *aj*, с.-уйг. *aj*, хак. *aj*, шор. *aj*, алт. *aj*, тув. *aj*, тоф. *aj*, чув. *oj̆x*, як. *ij̆*, долг. *ij̆* в значении ‘месяц’. Предположительно, все эти варианты восходят к прототюркскому **añ(k)*, восходящему в свою очередь к протоалтайскому **añi* (см. подробнее: [EDAL 2003: 303]). Прототунгусское **añja* в значении ‘год’ дал развитие эвенк. *añjanī*, эвен. *añjan*, негид. *añjanī*, ульч. *aña(n)*, орок. *anāñi*, нан. *ajñaña*, *ajñani*, ороц. *aññi*, уд. *aña(n)*, солон. *añẽ*, *aña*, в чжур. *ania*, маньчж. *aña*, сибо *Añi* [EDAL 2003: 303]. Влиянием тунгусо-маньчжурских языков является зафиксированный в дагурском языке термин *añẽ (sar)* ‘January’ [EDAL 2003: 303].

К протоалтайскому **ānu*, вероятно, восходит протомонгольское **oj* в значениях ‘годовщина; год’. В средне-монгольском было также зафиксировано значение ‘время’ [EDAL 2003: 303]. В значении ‘годовщина’ термин зафиксирован в зап.-монг., халх.-монг., бур., орд., в значении ‘год’ в калм., орд. языках [EDAL 2003: 303].

Монгольский термин *sara(n)*, имеющий значение ‘луна’, предположительно восходит к праалтайскому **-zēra* со значениями ‘свет; луна, лунный цикл’. Протомонгольское **sara* ‘moon (луна)’ дал развитие в средне-монгольском *sara*, *ṣarā*, *saran* и далее в зап.-монг. *sara(n)*, халх. *sar*, бур. *hara(n)*, калм. *sarə*; орд. *sara(n)*, даг. *sarūl* ‘луна’, *sar* ‘месяц’, *sare* ‘month’, *sareule* ‘moon’; дун. *sara*; бао. *sare*, *sera*; шира-юг. *sara*; мгр. *sara* (см. подробнее [EDAL 2003: 1512]).

От формы **zēra*, вероятно, развились параллели в прототюркском **jar-* ‘1) светить; 2) рассветать; 3) свет; 4) свеча’; далее в древнетюркском *jaru-* 1, *jaruq* 3 (орх., орх.-уйг.); в значении ‘светить’ отмечался в карах. *jaru-*, узб. *jəri-*, кирг. *žar-*, *žari-*, хак. *čari-*, шор. *čar-*, *čari-*, алт. *jar-*, *jari-*, тув. *čiri-*; в значении ‘свет’ в карах. *jaruq*, тур. *jarik*, туркм. *jariq*, сал. *jarux*, узб. *jəruy*, кирг. *žariq*, каз. *žariq*, кбалк. *žariq*, ккалп. *žariq*, кум. *jariq*, ног. *jariq*, хак. *čarix*, алт. *dariq*, тув. *čariq*; в значении ‘рассветать’ в як. *sarā-* / *sirdā-*, долг. *hirdā-*; в значении ‘свеча’ в чув. *šor-da* [EDAL 2003: 1512]. Прототунгусское **sē* ‘year, age = год, возраст’ дал развитие в чжур. *sejŋ-ŋer* и далее в маньч. *sē*, ульч. *sē*, нан. *sē*, ороц. *sē*, уд. *se* [EDAL 2003: 1512].

Монгольский термин *тэргэл*, имеющий значение ‘полная луна’, предположительно, восходит к праформе **t'iołgu* ‘наполнять’, давшей параллели в японском и корейском языках: прап. **tùkui* > ст.-яп. *tuki* > яп. > *tsuki*; пракор. **tār* > ср.-кор. *tār* > кор. *tal* (см. подробнее: [EDAL 2003: 1435]). Монгольский термин, зачастую употребляемый как парное слово *tergel saran* в том же значении ‘полная луна’, как устоявшееся выражение употреблялся в монгольской буддийской литературе на тибетском языке, что было отмечено Д. Карой [Kara 2009: 283].

В современных монгольских языках термин отмечается как *tergel* — монг. *тэргэл сар* ‘полная луна’, *тэргэл өдөр* — 15-й день лунного месяца в парных словах [БАМРС 2001: 294].

Относительно тюркских вариантов термина ‘полная луна’ от корня *тол-* / *дол-* имеются две основные гипотезы: 1) от **t'iołgu*, как и монг. *tergel*; 2) от **dol-* ‘to be filled = быть наполненным’.

В монгольских языках были известны и другие названия луны, заимствованные из тибетского *да-ваа* (*zla-ba*) и санскритского *сумъяа* (*śoma*) [Дондокова 2003: 32]. Эти названия луны не использовались непосредственно по отношению к светилу, но стали популярными мужскими именами у монголов, бурят, калмыков [Омакаева 2023: 258]. Кроме того, в монгольских языках известно множество (около 43) образных, поэтических названий луны. Буряты луне давали эпитет «алмазно-белая» [Михайлов 1996: 72]. В других монгольских языках луне даются следующие поэтические названия: *шөнийн эзэн* букв. ‘хозяин ночи’, *далайгаас төрсөн* букв. ‘рожденный из моря’ [Дондокова 2003: 31].

4. Образы ночного светила

В состав ранних визуальных образов небесных светил входит круг, диск. На это указывают их разнообразные визуальные отражения в искусстве тюрко-монгольских народов Сибири, например изображения солнца и луны на бытовых

предметах (резьба и окрашивание), металлические фигуры на шаманском костюме, вышивка, украшения. В декоративно-прикладном искусстве бурят внимание Б. Э. Петри привлекли изображения солнца и луны на домашних сундуках и ящиках с шаманскими атрибутами — луна обычно вписана в круг солнца: меньший круг внутри — луна, большой двойной снаружи — солнце. Нередко по краю солнца располагаются в виде точек звезды. Таким же образом оформлялись серебряные элементы декора на колчанах, поясах, женских украшениях [Петри 2014: 153].

Типичными образцами небесных светил выступали металлические зеркала, которые со временем вошли и в состав украшений шаманского и женского костюма сибирских народов в виде металлических блях. В такой форме светила отражены в ойратском предании, согласно которому солнце и луна прежде находились на дне океана в виде двух металлических зеркал. Их нашел на дне с помощью длинной трости Отучи-гелюнг: *«он ушарил „толи“ (круглое металлическое зеркало), которое очень блестело; он поместил его на небо; потом нашел и другое толи; он и это поместил на небо. С тех пор на земле стало светло»* [Потанин 1883: 191].

Уникальными чертами образов светил в представлениях бурят является наличие у них ног. Ноги выступают главным маркером в определении светил: к ним обращались, взывая *найман хултэй нара* ‘восьминожная Солнце-мать’, *юхэн хултэй нара* ‘девятиножный Месяц-отец’. Изображения солнца и луны на культовых шаманских атрибутах имеют лучи с загнутыми концами, напоминающими ноги [Петри 2014: 151, 153]. Эти числа тесно связаны и с традицией формирования свадебной прически у некоторых групп бурят: *«Молодой невесте по обычаю расплетают косу и с правой стороны заплетают девять кос, а с левой стороны восемь, а затем надевают полную женскую одежду»* [Хангалов 1958: 260]. Свадебная прическа бурятской невесты означала единство женского и мужского начал и выражала символическую связь с культом солнца и луны. Невесте желали чадородия и большого потомства — родить восемь девочек и девять мальчиков [Галданова 1987: 14–15].

В представлениях других тюрко-монгольских народов эти черты небесных светил не упоминаются. Однако связь числа 8 с солнцем отмечена у древних иранцев, которые изображали солнце в виде диска с восемью лучами [Галданова 1987: 16]. Количеству ног у светил соответствует и число их детей. В текстах шаманских призываний солнце и луна как супружеская пара имеет детей: *«У отца Юурэн веселятся девять сильных юношей, у матери Налхан резвятся восемь красивых девушек»* [Галданова 1987: 15]. Девять юношей и восемь девушек сопровождают ритуальные действия якутского алгысчита на якутском празднике Ысыах, который посвящался светлым небесным божествам, включая и божеств-создателей, таких как Юронг айыы тойон. Безусловно, связь между данными бурятскими и якутскими образцами мифологии и ритуальных традиций существует и указывает на тесные этнокультурные связи бурят и якутов.

4.1. Образы животных

К числу ранних, возможно, относятся образы небесных светил в виде птиц и животных. В мировоззрении бурят и якутов, заселивших северную периферию тюрко-монгольского мира, обнаруживаются черты образа животного из семейства псовых, которое было связано с небом / небесными светилами. Об-

раз этого животного наиболее явно просматривается у бурят: «*в мифах солнце иногда сравнивается с волком или лисицей*» [Хангалов 1958: 322]; в выражении *тэнгэрийн нохой*, которым называли волка¹. Образ волка близок к солнцу — в охотничьей традиции бурят запрещалось проливать кровь волка на виду у солнца. Нарушение запрета грозило природными катаклизмами. К этой группе воззрений следует отнести объяснение бурятами и якутами феномена радуги — они называли ее «мочой самки-лисицы» [Хангалов 1958: 322; Алексеев 1975: 35]. В общую канву подобных представлений встраивается сюжет из генеалогического предания предков Чингис-хана, в которых говорится о посещении Алан-гоа небесным человеком в § 21 «Сокровенного сказания монголов»: «*Но, каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес*» [Козин 1941: 81].

У монгольских народов существовали убеждения, что некоторые этнические группы могут быть связаны своим родством с небом / светилами через свое происхождение от волка. В их числе представители племенных образований *шоно*, *галзут*. К ним обращались в случае укусов людей бешеными животными, обычно лисами и волками за помощью — якобы представители этих этнических общностей могли исцелить людей от бешенства. Приглашенные «целители», стреляя в небо из ружья, зывали к нему: «*Небесная собака, яд свой заberi!*».

У других тюркских народов — тюрков Южной Сибири, казахов, киргизов связь собаки с небесными светилами выражена косвенно через образ мифической птицы-собаки Кубай-кус (Хумай-кус), которая рождается из яйца птицы (турпана, орла), впоследствии занявшей свое место среди звезд. Имя этой собаки включает двойное обозначение птицы: Хума — название мифической птицы, образ которой проник в тюркскую среду из иранской культуры [Сагалаев 1990: 28] и Quş / кус — «птица» [ДТС 1969: 471].

Китайцам также была известна небесная собака Тянь гоу красного цвета, и связывали они ее именно со своими северными соседями — кочевниками, считая собаку их покровителем². Они верили, что небесная собака периодически сходит с неба, издавая страшный гром, и там, где она сходит на землю, возникают вооруженные смуты, пожары. Де Гроот идентифицировал явление схождения небесной собаки с падением метеорита [де Гроот 2000: 96].

Основным же регионом, где обнаруживаются более ясные представления о связи собак с солнцем и луной, — это Приамурье, побережье Охотского моря, Сахалин и другие ближайшие острова, где проживают тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские народы (нивхи, нанайцы, удэгейцы, айны). В их мифах жизнь небесных светил так или иначе связана с собаками (собаки живут на солнце и луне, преследуют их и кусают). Айнам, злой дух, вредящий луне, виделся в образе черной лисицы [Подмаскин 2004: 102]. Илимпейские эвенки представляли в

¹ Существуют и другие опосредованные данные о существовании таких образов в прошлом: в персонажах эпических произведений, сказок, в которых присутствует небесный щенок [Цыбикдоржиев 2003: 215].

² Собака была частью воинского культа кочевых народов: известны образы собаки-воина (например, белая собака с золотой шкурой из хакасского героического эпоса «Хубан Арыг») [Бурнаков 2012: 199], мужские союзы, боевые приемы, кличи [Цыбикдоржиев 2003: 213, 215].

образе собаки звездное скопление Плеяд [Подмаскин 2008: 89]. С целой группой собачьих образов связан главный шаманский персонаж тунгусо-маньчжурского пантеона Ерхий мэргэн: его представляли огненной собакой, красным волком, псом-мэргэном-богатырем в собачьей шубе. С этим персонажем связывается затмение светил [Сем 2013: 162].

Интересно то, что во всей совокупности разрозненных сведений о собаках в мифологии тюрко-монгольских народов привлекает внимание особое выделение желтой / рыжей масти собаки (желтый пес, приходивший к Алан-Гоа, китайская небесная собака). В дополнение к приведенным выше материалам приведем обычай хакасов не заводить в хозяйстве собак желтой окраски: они опасались гнева мифического главы собачьего мира Сараадай-хана, находившегося в царстве мертвых [Бурнаков 2012: 209]. Возможно, что данный запрет был обусловлен сакральностью желтого цвета собак, на наш взгляд, он может отражать былую связь образа собаки с солнцем / луной.

4.2. Антропоморфные образы

В представлениях тюрко-монголов хорошо известны антропоморфные образы солнца и луны, их гендерная принадлежность. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что тенденция к антропоморфизации небесных светил в мифологическом сознании тюрко-монгольских народов — явление относительно позднее [Манжигеев 1978: 60]. Возможно, это верно в отношении антропоморфизации образов светил, но их гендерное различие уходит в глубокую древность. При этом самым древним воззрением является восприятие солнца как мужчины, а луны — как женщины [Березкин 2023: 57]. Возможно, что отражением таких гендерных ролей небесных светил является визуальное оформление одной из ключевых деталей свадебного обряда ойратов Монголии в обряде поклонения жениха и невесты небесным отцу и матери — Солнцу и Луне. В свадебном обряде олётгов перед юртой молодых стелят войлок, на котором выкладывают из риса изображение солнца на правой стороне и месяца на левой. Жениха усаживают на изображение солнца, а невесту — на изображение месяца [Вяткина 1960: 221]. Следует отметить, что в свадебной обрядности хакасов название ритуала включает и солнце, и луну (*айга-кўнге пазыртханы*) [Бутанаев 1996: 149]. У ойратов Монголии (дэргэтов, олётгов, баятов, торгутов) в таком же обряде упоминается только солнце: обряд называется *шар наранд мөргүүлэх* ‘поклонение желтому солнцу’ [МУУЗ 2012: 85, 150, 216], очевидно, в связи с тем, что ритуал совершался в дневное время.

Согласно полевым исследованиям Г. Р. Галдановой, такой обряд бытовал в прошлом и у бурят. «*Невеста, приобщаясь к роду жениха, поклонялась не только огню домашнего очага, бурханам дома, родителям жениха, но и Солнцу-Луне (һара наранда мүргэхэ), вследствие чего она должна была исполнять церемонии снохи по отношению к Солнцу-луне (һара наранда бэрлэхэ), так же как к свекру и свекрови*» [Галданова 1987: 15]. Представление о том, что бурятская свадьба есть отражение традиции, которая была заложена солнцем и луной, сохранялось в культурной памяти бурят конца XIX – начала XX в. «*Солнце называлось господской Налуй, а Луна — господином һалуи, т. е. в них отражено возникновение парного брака, вытеснившего групповой брак в эпоху появления шаманизма*» [Манжигеев 1978: 60].

Относительно гендерной принадлежности небесных светил в представлениях тюрко-монгольских народов сведения противоречивы. В бурятских мифах рас-

пространение получили воззрения, согласно которым Солнце — это женщина, а луна — мужчина. С ними совпадают представления соседних с монгольскими тюркоязычных алтайцев — в супружеской небесной паре женой является Солнце, а мужем — Месяц. В верованиях хакасов в супружеской паре светил мужем, вероятно, также выступал месяц¹ — в названии обряда он упоминается первым (*айга-күнге пазыртханы*). Это господствующее в северо-восточной половине Евразии представление о солнце как о женщине и луне как мужчине, по мнению Ю. Е. Березкина, является инновацией и возможно сформировалось в плейстоцене, когда предки индейцев еще жили в Сибири (в Новом Свете этот вариант тоже встречается, хотя очень редок) [Березкин 2023: 57].

В бурятском мифе светила состоят в браке и имеют множество детей. Хозяин луны — князь белый *haluy*, хозяйка луны — княгиня белая *haluy* имеют много «тихо-дремотных» (в тексте шаманских призываний) парней и много девиц и еще трех сыновей [Михайлов 1996: 72, 73].

Эти же образы воплотились в онгонах бурят, известных как «хозяин луны Хал-хатан и солнца Нал-хатан» [Хангалов 1960: 14]. Но имена хозяев небесных светил свидетельствуют о том, что эти персонажи — обе женщины (*хатан* — княгиня). Женский пол небесных светил подтверждается другими вариантами персонажей, выступающих «хозяевами» солнца и луны. По данным Ц. Жамцарано, это *Налхан Юхурун хатан төөдэй* ‘старуха-царица Налхан Юхурун’, а луны — *налхан Юхурун хатан төөдэй* ‘старуха-царица налхан Юхурун’ [Михайлов 1987: 14]. Вероятно, это свидетельство наличия в среде бурят мотива А6 (когда оба светила — женщины), обозначенного Ю. Е. Березкиным. Подтверждением актуальности такого мотива является еще одно предание монгольских народов: Солнце и Луна были красивыми девушками из одной богатой семьи. Так как они не могли найти себе мужей на земле, то они поднялись на небо и стали освещать землю. Одна из сестер стала Солнцем, другая — Луной [Омакаева 1994: 47]. Согласно исследованиям Ю. Е. Березкина, этот мотив характерен для северо-восточной половины Евразии, редко встречается в Юго-Западной Евразии, Африке и вообще не известен в Новом Свете [Березкин 2023: 57].

Есть в бурятских мифах и третий вариант сюжета, в котором солнце и луна — братья. В одном из преданий, записанных Ц. Жамцарано у ольхонских бурят, луна есть олицетворение одного из множества сыновей Хэб Шутхала (Небесного свода) — *hara эжилхэн Налбаа-нойон*, у которого были старший брат солнце и младший брат огонь [Жамцарано 2001: 68]. У хакасов сходный сюжет о трех сыновьях грома был записан Н. Ф. Катановым. Согласно повествованию, старший сын олицетворяет собой солнце, средний — месяц, а младший — огонь [Катанов 1907: 187–188].

Следует отметить, что влияние на формирование гендерных образов ночного светила, возможно, оказала нестабильная форма лунного диска. Луна и месяц выражают разные видовые понятия, связанные с одним объектом, что фиксируется в языке (см. табл. 1). Большую часть времени на небосклоне люди видят только часть луны, которая в русском языке маркирована лексемой

¹ И в традиционной русской культуре доминирует мужская ипостась луны — месяц. По наблюдениям исследователей, лексема «луна» господствует в произведениях художественной литературы, а слово «месяц» «функционирует преимущественно в наивно-бытовой картине мира и доминирует в фольклорных жанрах и текстах» [Абрамова и др. 2020: 57].

«месяц». У тюрко-монголов специальных лексем, выделяющих часть луны нет, но представление о двух разных объектах — полной луне и месяце все же присутствуют, в частности в мировоззрении бурят. Например, предбайкальские буряты понимали отсутствие месяца во время полнолуния следующим образом: «Во время полнолуния месяц спит в растяжку» [Потанин 1883: 192]. Полная луна ассоциировалась с женским образом, а месяц — с мужским.

Такое разнообразие фольклорных мотивов свидетельствует о значительных изменениях генофонда населения, в частности Восточной Сибири, со времени миграции предков индейцев на американские континенты (с плейстоцена) [Березкин 2023: 57].

5. Фазы луны

В разных традициях тюрко-монгольских народов счет лунных дней велся по декадам, о чем свидетельствует, в частности, календарь якутов. Позднее, уже в XX в., месяц стал делиться на половины. У разных народов сохранили актуальность определения, характеризующие рост и убывание луны, полную луну (см. табл. 1), половину лунного диска, период междулуния. У тюркских народов Южной Сибири сохранились определения разных дней новолуния. Хакасы выделяли *ах толы* ‘белое полнолуние’ — в 14 день новолуния и *хызыл толы* «красное полнолуние» — в 15, последний день полнолуния [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]. Алтайцы различали «белое полнолуние» (первый день полнолуния), «желтое полнолуние» (второй день полнолуния) и «красное полнолуние» — третий день полнолуния, после которого луна начинает убывать [ТНС 2006: 453]. В якутской традиции особыми образными определениями отмечаются все дни лунных фаз, фиксирующие малейшие изменения лунного диска. Так, якуты выделяли разные фазы половины луны: 11 день — *бишр толору аңаара* (первый день половины полноты), 12 день — *икки толору аңаара* (второй день половины полноты), 13 день — *ус толору аңаара* (третий день половины полноты). За ними следуют день малой полноты или «красное совершенство», день большой полноты / «белое совершенство», завершающий день полнолуния обозначался так же, как и у других тюркских народов Сибири — «красный вечер» [Гоголев 1999: 4–6]. Определения «красное совершенство» и «белое совершенство», совпадающие с хакасскими определениями, присутствовали в якутском языке XVIII в. и трансформировались к началу XX в., что может указывать на время миграции предков якутов на север.

Таблица 1. Три основных состояния лунного диска, отраженные в разных языках тюрко-монгольских народов

Table 1. The three main states of the lunar disk, reflected in the different languages of the Turkic-Mongolian peoples

Язык	Новолуние	Полнолуние	Луна убывающая
бур.	<i>шэнэ һара</i> ‘новая’ [БРС 1973: 676]	<i>тэргэд һара</i> ‘полная’ [БРС 1973: 676]	<i>һарын хуушан</i> ‘старая’ [БРС 1973: 456, 607]
монг.	<i>шэнэ сар</i> ‘новая’ [БАМРС 2001: 294]	<i>тэргэл сар</i> ‘полная’, <i>тэргэлөдөр</i> ‘15-й день лунного месяца’ [БАМРС 2001: 294]	

калм.	<i>сарин шин</i> ‘новая’ [PKC 1964: 494], <i>сарин эклц</i> ‘начало’ [PKC 1964: 494] <i>sarin šin</i> ‘новая’ [PKC 1964: 494]	<i>təgrɛ sar</i> ‘полная’ [PKC 1964: 494], <i>арвн тав насар</i> ‘15 день’ [PKC 1964: 494], <i>бүкл сар</i> ‘полная’ [PKC 1964: 494] <i>delgrsn sar</i> ‘широкая’ [KW 1935: 86]	<i>sarin küre</i> ‘mondhof (полнолуние)’ [KW 1935: 313]
хак.	<i>ай наазы</i> ‘междулуние’ [Бутанаев 1999: 19], <i>ай аразы</i> ‘междулуние’ [Бутанаев 1999: 19]	<i>ай толызы</i> [Бутанаев 1999: 19]	<i>ай иргизи</i> ‘старая’ [Бутанаев 1999: 19]
як.	<i>ый сангата</i> ‘новая’ [Слепцов 1972: 522]	<i>толору ый</i> ‘полная’ [Слепцов 1972: 522]	<i>иргэ ый</i> ‘старая’ [Слепцов 1972: 522]
кирг.	<i>ай арасы</i> ‘промежуток, междулуние’ [Юдахин 1965: 28], <i>ай башы</i> ‘начало’ [Юдахин 1965: 28], <i>ай жанырды, жаны ай</i> ‘обновленный’ [Юдахин 1965: 28]	<i>ай толү / толду</i> ‘полная’ [Юдахин 1965: 28]	<i>эски ай</i> ‘старая’ [Юдахин 1965: 28; Кыргызы 2016: 438, 443]
тув.	<i>ай чаазы</i> ‘новая’ [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]	<i>ай толызы</i> ‘полная’ [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]	<i>ай эргизи</i> ‘старая’ [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]
каз.	<i>жаңа ай, ай жаназы</i> ‘новый’ [Джанузаков 1982: 163], <i>айдың тууы</i> ‘восход луны’ [Джанузаков 1982: 163], <i>ай арасы</i> ‘промежуток’ [Джанузаков 1982: 163]	<i>толганай, ай толысы</i> ‘полная’ [Джанузаков 1982: 163]	<i>ескі ай</i> ‘старая’ [Джанузаков 1982: 163]

В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов обнаруживаются разные объяснения этому феномену. Ритмы жизни ночного светила в мифологическом сознании служили лучшим образцом цикличности человеческой жизни: луна рождалась, достигала зрелости, старела и умирала. Эти этапы нашли отражение в определениях разных фаз луны — «новая луна», «стареющая луна».

В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов акцентируется внимание на периоде междулуния, когда светило на небосклоне отсутствует, также выделяются фазы растущей луны и стареющей луны, достигших половины диска. Эти этапы лунного цикла зафиксированы в языке, а также нашли отражение в мифах, преданиях.

В фокусе пристального внимания бурят и хакасов оказалось время междулуния. У бурят междулуние считается опасным для людей временем, когда властвуют темные силы. Ночь между старой и новой луной называют *забһар* или *забһарай үдэр* ‘последний день лунного месяца’, ‘междулуние’ (букв. ‘промежуток’, ‘пустое пространство’) [БРС 1973: 242]. «В эту ночь буряты боятся отлучиться из дома, так как в ночь междулуния много шляются по земле не-

чистых духов бохолдоев» [Баторов 2013: 235]. В верованиях хакасов внезапное озарение неба в междулуние считалось наилучшим временем для загадывания сокровенных желаний человека — они исполнятся [Бутанаев 2003: 46].

Отсутствие луны на небе в понимании людей означало ее невидимое состояние для большинства земных существ, включая человека. Между тем луну в этот период могли видеть собаки, рыбы, коровы. По хакасским представлениям, собака может видеть новорожденный месяц / «закрытое новолуние» первые два дня через «игольное ушко» [Бутанаев, Монгуш 2005: 42]. Алтайцы полагали, что невидимую луну могут видеть лишь собака и корова [ТНС 2006: 453]. По мнению бурят и хакасов, луну в период междулуния могли видеть особенные собаки, «четыреглазые» — со светлыми пятнышками над глазами. Такие собаки якобы могли созерцать иной мир [Бурнаков 2012: 201].

Еще одним невидимым для человеческого взора астрономическим явлением, было последнее схождение луны с Плеядами — *тохёолгон* (монг.), *токис / то-гош / тўгол* (тюрк.) (см. подробно: [Содномпилова 2024: 619–631]). К слову, сближение луны и Плеяд, имевшее значение для кочевников как индикатор погодных изменений, находит своеобразное объяснение в сюжете монгольских преданий о шести волшебниках, ставших звездами. «Жена одного из них стала луной и с тех пор шесть раз в месяц мы можем наблюдать астрономическое явление — *тохелгон схождение Плеяд с луной*» [Омакаева 1994: 46]. По мнению бурят, последняя встреча луны и Плеяд тоже была доступна только собакам и рыбам: «Последний тохён человек не видит, а видят на земле живущие собаки, да в воде живущие рыбы» [Баторов 2013: 235].

Образ умирающего и воскресающего светила был актуален для хакасов. Они верили, что в последний день полной луны, называемый «красным полнолунием», темные силы обрезали месяцу горло, «и он, обогранный кровью медленно, в течение пятнадцати дней умирал» [Бутанаев 2003: 46].

У самых северных тюрков — якутов — луна, как и звезды, представлялась отверстием в многоярусном небе, и такой образ давал простое объяснение фазам луны: «Луну представляли в виде круглого отверстия из первого неба во второе; фазы луны находили свое объяснение в действиях духа, прикрывающего указанное отверстие в определенные промежутки времени» [Попов 1949: 260]. Якутскому толкованию фаз луны соответствуют представления орочей, которые считали, что одна из живущих на луне женщин (духов-хозяев земных животных) постепенно закрывает светило крышкой [Подмаскин 2004: 102].

Несколько иные воззрения якутов были записаны В. Л. Серошевским в Верхоянском наслеге: «Луну едят волки и медведи за то, что она похитила девушку; каждый месяц она нарастает, и каждый месяц ее опять пожирают звери» [Серошевский 1993: 644].

В мировоззрении некоторых народов региона обнаруживаются даже попытки объяснить форму половины диска луны. Так, в алтайском сюжете о спасении месяцем людей от чудовища Чилбегена месяц для облегчения своего спуска на землю разрезал себя пополам [Потанин 1883: 192].

6. Заключение

Совокупность представлений тюрко-монголов Внутренней Азии о ночном светиле распадается на две группы — терминологическую и мифологическую.

Часть воззрений, отраженных в лексике, показывает, что главной и самой ранней характеристикой небесного светила является свет, белизна, его функция как маркера времени. В последующем появляются ассоциации с круглыми предметами, например металлическим зеркалом. Фазы луны фиксируют в большинстве языков тюрко-монгольской группы изменения диска в категории «новый-старый». Нередко выделяется начало периода появления новой луны, когда светила еще не видно на небе, и это время обозначается как «промежуток», «пустота». Круглая луна в терминологии тюрко-монгольских народов связывается с понятиями «полный», «наполнять».

Среди мифологических образов слабо просматриваются следы животного из семейства псовых (лиса, собака, волк). Более актуальными являются антропоморфные образы. Гендерная характеристика ночного светила в регионе отличается вариативностью: распространен образ луны как мужского персонажа — супруга солнца, одного (среднего) из братьев солнца и огня, но есть вариант, где и луна и солнце являются сестрами. Последний присущ мифологии монгольских народов.

В ритуальной сфере положительным временем является период растущей луны, на который планируют все начинания, включая важные обряды календарного и жизненного цикла. В наибольшей степени насыщен мифологическими толкованиями период междулунья, который к тому же считался опасным временем, когда на земле властвуют злые силы.

Список сокращений

алт. — алтайский	сал. — саларский
башк. — башкирский	с.-уйг. — сары-уйгурский
бур. — бурятский	орх. — орхонский
гаг. — гагаузский	орх.-уйг. — орхонско-уйгурский
даг. — дагурский	сибо — разговорный маньчжурский
долг. — долганский	солон. — солонский
дун. — дунсянский	тат. — татарский
зап.-монг. — западно-монгольский	тоф. — тофаларский
каз. — казахский	тув. — тувинский
калм. — калмыцкий	тур. — турецкий
карах. — караханидский	туркм. — туркменский
кбалк. — карачаевско-балкарский	тюрк. — тюркский
ккалп. — каракалпакский	уд. — удэйский
кор. — корейский	узб. — узбекский
крым.-тат. — крымско-татарский	уйг. — уйгурский
кум. — кумыкский	ульч. — ульчский
кирг. — киргизский	хак. — хакасский
маньчж. — маньчжурский	хал. — халаджский
мгр. — монгорский	халх. — халхаский
нан. — нанайский	халх.-монг. халха-монгольский
негид. — негидальский	чжур. — чжурчженский
ног. — ногайский	чув. — чувашский
орд. — ордосский	шира-юг. — шира-югурский
орок. — орокский	шор. — шорский
ороч. — орочский	эвен. — эвенский
пракор. — пракорейский	эвенк. — эвенкийский
праяп. — праяпонский	як. — якутский

Литература

References

- Абрамова и др. 2020 — Абрамова В. И., Архангельская Ю. В., Георгиева С. И. Символика солнца и луны в русских и болгарских вербальных текстах культуры // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2020. № 1(1). С. 52–63.
- Алексеев 1975 — Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 198 с.
- Баторов 2013 — Баторов П. П. Народный календарь аларских бурят // «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. Избранные статьи / сост. Сирина А. А. Иркутск: [б. и.], 2013. С. 235–237.
- Березкин 2023 — Березкин Ю. Е. Солярная мифология Восточной Азии и других регионов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 51–79.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4-х тт. Т. III. О–Ф. М.: Academia, 2001. 439 с.
- Бурнаков 2012 — Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2012. № 5. С. 196–216.
- Бурнаков, Цыденова 2013 — Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц. Луна в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 267–279.
- БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. Энциклопедия, 1973. 803 с.
- Бутанаев 1996 — Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Бутанаев 1999 — Бутанаев В. Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- Abramova V. I., Arkhangelskaya Yu. V., Georgieva S. I. Symbolism of the Sun and the Moon in Russian and Bulgarian Verbal Cultural Texts. *Tula Scientific Bulletin. Series History. Linguistics*. 2020. No. 1(1). Pp. 52–63. (In Russ.)
- Alekseev N. A. Traditional Religious Beliefs of the Yakuts in the 19th – Early 20th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1975. 198 p. (In Russ.)
- Batorov P. P. The Folk Calendar of the Alar Buryats. In: “Provincial” Science: Ethnography in Irkutsk in the 1920s. Selected Articles. A. Sirina (comp.). Irkutsk: [s. n.], 2013. Pp. 235–237. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. Solar Mythology of East Asia and Other Regions. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2023. Vol. 6. No. 4. Pp. 51–79. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Large Academic Mongolian-Russian Dictionary. Moscow: Academia. Vol. 3. O–F. 439 p. (In Mong. and Russ.)
- Burnakov V. A. Traditional Ideas of the Khakass about the Dog. In: Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect. 2012. No. 5. Pp. 196–216. (In Russ.)
- Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. The Moon in the Traditional Worldview of the Khakass. *Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3. Pp. 267–279. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.). Buryat-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1973. 803 p. (In Buryat. & Russ.)
- Butanaev, V. Ya. Traditional Culture and Life of the Khakass. Abakan: Khakass. Book Publ., 1996, 224 p. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya. Khakassian-Russian Historical and Ethnographic Dictionary. Abakan: Khakassiya, 1999. 240 p. (In Russ. and Khakass.)

- Бутанаев 2003 — *Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Хакасс. гос. ун-т, 2003. 260 с.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакасс. гос. ун-т, 2005. 196 с.
- Петри 2014 — [*Петри Б. Э.*] Вселенная сибирского шамана. История. Легенды. Обряды / Репринтное издание работ Б. Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Репроцентр А1, 2014. 328 с.
- Вяткина 1960 — *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. Т. LX. М.; Л.: Наука, 1960. С. 159–269.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Гоголев 1999 — *Гоголев А. И.* Традиционный календарь якутов Якутск: Якут. гос. ун-т, 1999. 71 с.
- Джанузаков 1982 — *Джанузаков Т. С.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата: Наука, 1982. 175 с.
- Дондокова 2003 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 134 с.
- де Гроот 2000 — *де Гроот Я. Я. М.* Демонология древнего Китая. СПб: Евразия, 2000. 302 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука. 1969. 676 с.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова; сост. В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001, 380 с.
- Butanaev V. Ya. Burkhanism of the Sayano-Altai Turks. Abakan: Khakass State University, 2003. 260 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic Customs and Rituals of the Sayan Turkic Peoples. Abakan: Khakass State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- The Universe of the Siberian Shaman. History. Legends. Rituals. Reprint edition of B. E. Petri's Works on Ethnography from the Collection of the Irkutsk Regional Museum of Local History. Irkutsk: Reprocenter A1, 2014. 328 p. (In Russ.)
- Vyatkina K. V. Mongols of the Mongolian People's Republic (Materials of the Historical and Ethnographic Expedition of the Academy of Sciences of the USSR and the Mongolian People's Republic Committee of Sciences in 1948–1949). In: East Asian Ethnographic Collection. Vol. LX. Moscow; Leningrad: Nauka, 1960. Pp. 159–269. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of the Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 115 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Traditional Calendar of the Yakuts. Yakutsk: Yakut State University, 1999. 71 p. (In Russ.)
- Dzhanuzakov T. S. Essay on Kazakh Onomastics. Alma-Ata: Nauka, 1982. 175 p. (In Russ.)
- Dondokova D. D. Vocabulary of Buryat Spiritual Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 134 p. (In Russ.)
- De Groot J. J. M. Demonology of Ancient China. St. Petersburg: Eurasia, 2000. 302 p. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Old Turk. and Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries of 1903–1907. Ts. Vanchikova (ed.); V. Liksoikova (comp.) Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 380 p. (In Russ.)

- Катанов 1907 — Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым / Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. Т. 9. СПб.: Академия наук, 1907. 640 с.
- Козин 1941 — Козин С. М. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Niguča Tobčiyān. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кыргызы 2016 — Кыргызы. Серия «Народы и культуры» / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров. М.: Наука, 2016. 623 с.
- Манжигеев 1978 — Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 125 с.
- Михайлов 1996 — Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 111с.
- Нацов 1995 — Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I / пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Сагалаев 1990 — Сагалаев А. М. Птица дающая жизнь (из тюрко-угорских параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. сб. науч. трудов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 21–34.
- Сем 2013 — Сем Т. Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока XIX–XX вв. (типология и семантика образов). Южно-Сахалинск: Сахалинск. обл. тип., 2013. 240 с.
- Серошевский 1993 — Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Моск. тип. № 2, 1993. 736 с.
- Katanov N. F. Dialects of the Uriankhai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: N.Katanov (collect. and transl.). In: Examples of Folk Literature of the Turkic Tribes, V. Radlov (publ.). St. Petersburg: Academy of Sciences, 1907. Vol. 9. 640 p. (In Russ.)
- Kozin S. M. Secret History. Mongolian Chronicle of 1240 under the Title Mongol-un Niguča Tobčiyān. Yuan Chao Bi Shi. Mongolian Everyday Collection. T. I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.). Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Asankanov A. A., Brusina O. I., Zhaparov A. Z. (eds.). Kyrgyzes. Series "Peoples and Cultures". Moscow: Nauka, 2016. 623 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic Terms. An Attempt at Atheistic Interpretation. M.: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)
- Mikhailov V. A. Religious Mythology. Ulan-Ude: Soyol, 1996. 111 p. (In Russ.)
- Natsov G.-D. Materials on the History and Culture of the Buryats. Part 1. G. Galdanova (transl. and notes). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995, 156 p. (In Russ.)
- Sagalaev A. M. Bird Giving Life (from Turkic-Ugric Parallels). In: Worldview of the Finno-Ugric Peoples. Novosibirsk: Nauka, 1990. Pp. 21–34. (In Russ.)
- Sem T. Yu. Supreme Pantheon of the Tungus-Manchu Peoples of Siberia and the Far East of the 19th–20th Centuries (typology and semantics of images). Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. Yakuts. An Ethnographic Study. 2nd ed. Moscow: Moscow Publ. No. 2, 1993. 736 p. (In Russ.)

- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Слепцов 1972 — *Слепцов П. А.* Якутско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 790 с.
- Содномпилова 2024 — *Содномпилова М. М.* Плеяды в системе народных знаний тюрко-монгольского населения Центральной и Внутренней Азии // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 619–631. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-619-631
- Омакаева 1994 — *Омакаева Э. У.* Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1994. С. 44–49.
- Омакаева 2023 — *Омакаева Э. У.* «Язык звезд»: лексика материальной и духовной культуры как источник номинации астрономов и космономов в монгольском и калмыцком языках на фоне русского // *Ономастика Поволжья*. Мат-лы XXI Междунар. науч. конф. Рязань, 2023. С. 256–259.
- Подмаскин 2004 — *Подмаскин В. В.* Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // *Вестник Дальневосточного отделения РАН*. 2004. № 1(113). С. 94–105.
- Подмаскин 2008 — *Подмаскин В. В.* Народные знания амурских эвенков // *Россия и АТР*. 2008. № 1(59). С. 88–100.
- Попов 1949 — *Попов А. А.* Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Сборник музея археологии и этнографии. Т. IX. 1949. С. 257–323.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. Безобразова и К., 1883. 1029 с.
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Proto-Turkic Language is the Basis. Picture of the World of the Proto-Turkic Ethnos According to Language Data. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)
- Sleptsov P. A. Yakut-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1972. 790 s. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. Turko-Mongols of Central and Inner Asia: The Pleiades as Part of Folk Knowledge. *Oriental Studies*. 2024; 17(3): Pp. 619–631. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-619-631
- Omakaeva E. U. The Cult of Constellations and Planets among the Mongols. In: *Ethnocultural Lexicon of the Mongolian Languages*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1994. Pp. 44–49. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. “The Language of the Stars”: the vocabulary of material and spiritual culture as a source of nomination of astronoms and cosmonyms in the Mongolian and Kalmyk languages against the background of Russian // *Onomastics of the Volga region*. Proceedings of the XXI International scientific conference Ryazan, 2023. Pp. 256–259.
- Podmaskin V.V. Cosmography of the Tungus-Manchus and Nivkhs. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2004. No. 1(113). Pp. 94–105. (In Russ.)
- Podmaskin V. V. Folk Knowledge of the Amur Evenks. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2008. No. 1(59). Pp. 88–100. (In Russ.)
- Popov A. A. Materials on the History of Religion of the Yakuts of the Former Vilyui District. In: *Collection of the Museum of Archeology and Ethnography*. Vol. 9. 1949. Pp. 257–323. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Part 4. Ethnographic Materials. St. Petersburg: Bezobrazov i K. Tip., 1883. 1029 p. (In Russ.)

- РКС 1964 — *Илишкин И. К.* (ред.) Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
- Иlishkin N. K. (ed.) Russian-Kalmyk Dictionary. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1964. 803 p. (In Russ. & Kalm.)
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. I. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. 550 с.
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 550 p. (In Russ.)
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. II. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1959. 443 с.
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 443 p. (In Russ.)
- Хангалов 1960 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. III. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1960. 420 с.
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 420 p. (In Russ.)
- ТНС 2006 — Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с. Серия «Народы и культуры».
- Funk D. A., Tomilov N. A. (eds.) Turkic Peoples of Siberia. Series "Peoples and Cultures". Moscow: Nauka, 2006. 678 p. (In Russ.)
- Цыбикдоржиев 2003 — *Цыбикдоржиев Д. В.* Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.
- Tsybikdorzhiev D. V. The Origin of Ancient Mongolian Warrior Cults (Based on Buryat Folklore and Ethnographic Materials). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 292 p. (In Russ.)
- Юдахин 1965 — *Юдахин К. К.* Кыргызча-орусча сөздүгү (= Киргизско-русский словарь). М.: Сов. энциклопедия, 1965. 974 с.
- Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya, 1965. 974 p. (In Kyrgyz & Russ.)
- Юдахин 1985а — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. Кн. 1. М.; Фрунзе: Сов. энциклопедия, 1985. 504 с.
- Yudakhin K. K. Kirghiz-Russian Dictionary. Book 1. Moscow; Frunze: Sovetskaya Enciklopediya, 1985. 504 p. (In Kyrgyz & Russ.)
- Юдахин 1985б — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. Кн. 2. М.; Фрунзе. М.; Фрунзе: Сов. энциклопедия, 1985. 480 с.
- Yudakhin K. K. Kirghiz-Russian Dictionary. Book 2. Moscow; Frunze: Soviet Encyclopedia, 1985. 480 p. (In Kyrgyz & Russ.)
- МУУЗ 2012 — Монгол Улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй, XIX–XX зууны зааг үе). II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. 534 т.
- Ethnography of the Peoples of Mongolia. Vol. 2. Ethnography of the Oirats, 19th–20th Centuries. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. 534 p. (In Mong.)
- EDAL 2003 — *Starostin S., Dybo A., Mudrak O. V.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. I–III. Boston; Leyden: Brill. 2003. 1556 p.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Boston; Leyden: Brill. Vol. 1–3. 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Kara 2009 — *Kara G.* Dictionary of Sonom Gara's Erdeni-yin Sang. A Middle Mongol of the Tibetan Sa skya Legs bshad. Mongol-English-Tibetan. Leiden; Boston: Brill, 2009. 337 p.
- Kara G. Dictionary of Sonom Gara's Erdeni-yin Sang. A Middle Mongol of the Tibetan Sa skya Legs bshad. Mongol-English-Tibetan. Leiden; Boston: Brill, 2009. 337 p. (In Eng.)
- KW 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Kalm. & Germ.)